

Ирина Курбатова

Князь Мышкин и граф Кошкин

18+

Ирина Курбатова

Князь Мышкин и граф Кошкин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42650933

SelfPub; 2019

Аннотация

Говорят, молодость жестока. Если это так, то жестока она, прежде всего, по отношению к себе. Человек полюбил. Теперь все его поступки, все суждения, сознательно или нет, подчинены одному или одной. Его самостоятельность относительна, а индивидуальность условна. Он уже не мыслит себя отдельно от кого-то, его прежнего нет, и никогда больше не будет.....Значит, любовь – это своего рода смерть?!...

Я увидела его. Он шел рядом с Наташкой и каким-то парнем.

Высокий, красивый, в светлых джинсах и черной кожанке. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, он абсолютно счастлив, и меньшее, что ему сейчас нужно—это увидеть меня. Мне, впрочем, тоже, быстренько свернула в переулок и спряталась за угол дома. Они прошли мимо. Подождав немного, я вылезла из своего укрытия и пошла следом.

Я знала, куда они направляются. Этим маршрутом мы ходили тысячу раз. Сейчас на «Манежную», потом в «Александровский», обойти Кремль и на «Красную». Подгадать надо так, чтобы успеть к бою курантов, а лучше прийти минут за пять. Встать напротив «Спасской», у ограды «Покровского» собора и внимательно наблюдать, как минутная стрелка медленно подбирается к двенадцати. А потом, схватившись за руки, прослушать перезвон курантов, мысленно отсчитывая каждый удар, и когда отзвучит последний, развернуться и направиться вниз, к Китай-городу.

Этот ритуал выполнялся свято. Когда-то свято.....

Они появились одновременно. Правда, сам момент я пропустила.

В тот день был юбилей шефа и нас с Кузиной сначала отправили в магазин, а потом заставили резать всякую снедь. Короче, только за столом я заметила рядом с Г.А. двух но-

вых парней.

Тот, что сидел, справа от Г.А. был худой и, судя по всему, высокий шатен. Он в основном молчал, и, казалось, внимательно приглядывался к окружающим. Второй, тот, что слева, наоборот, был коренастый, слегка упитанный русский блондин с ямочками на щеках. Он сразу же разговорился с сидевшим напротив Юркой Гусевым, а потом с Любаней. Эта тормозная красавица даже проснулась. Редкий случай!

Я толкнула Кузину локтем: «Хто такие? Не знаешь?»

Та посмотрела на меня своим знаменитым коровьим взглядом и отрицательно покачала головой.

«Прошу, минуту внимания,—шеф выразительно постучал вилкой по стакану. Народ за столом перестал жевать и, предав физиономиям умильный вид, с готовностью повернулся в его сторону,—Я хочу искренне поблагодарить всех собравшихся за теплые слова, сказанные в мой адрес. Наверное, для того и существуют юбилеи, чтобы человек ощутил свою значимость, почувствовал, что не зря все эти годы топтал землю—матушку. Правда, есть еще такое мероприятие как похороны, но там виновник «торжества» присутствует уже в качестве реквизита,—народ довольно захихикал,—Но не будем о грустном. А пока я с превеликим удовольствием буду и дальше трудиться в нашем замечательном коллективе».

Раздались дружные подхалимские аплодисменты.

Шеф снисходительно переждал трогательный момент народного ликования, потом продолжил: «Пользуясь случаем,

хочу представить новых сотрудников. Это студенты четвертого курса, правда, разных вузов. Трудиться они будут под руководством Галины Александровны. Уж она—то их талантам найдет достойное применение. Прошу любить и жаловать. Это Сергей Котов,—он сделал дружественный жест в направлении шатена,—и Максим Князев»—тот же жест, но уже в сторону блондина.

Шатен слегка привстал, чуть наклонил голову и сел на место. Блондин же вытянулся в полный рост, заявил, что он очень, очень рад быть членом нашего замечательного коллектива, после чего одарил всех лучезарной улыбкой и неуклюже плюхнулся на место, попутно опрокинув стакан с соком.

—А мужички ничего. Симпатичные,—Кузина явно проявляла к новеньким интерес.

—Смотри, Пашка узнает, мало не покажется,—ее заинтересованность в мои планы не входила.

Наташка притворно вздохнула и томно опустила глазки. Порядок, одна конкурентка нейтрализована.

Гулянка, между тем, набирала обороты, градус прилично повысился, а народ впал в расслабленное состояние и потянулся к общению.

Шеф скинул пиджак, закатал рукава рубашки и развалился на стуле, подчеркивая тем самым свою демократичность. Его зам, вечно суесящийся затравленный мужичонка, которого мы между собой звали просто Бориком, уже сидел в об-

нимку с бутылкой, и периодически выплескивал ее содержимое в стоящую рядом тару. Андрюха Палей что-то нашептывал Маришке, та, в свою очередь, заливалась на всю комнату. Хохотала она постоянно, неважно был повод или нет, просто ей это очень шло. Стоило Маришке улыбнуться, и ее рядовая физиономия кардинально менялась, чтобы заставить ее захихикать, было достаточно показать палец или послать сообщение, типа: «Мушик, ку-ку!», и готово дело.

На другом конце стола компания сильно грамотных человек что-то оживленно перемалывала. Оттуда то и дело слышалось: «... браузер, php, NT-Docs...». Ясно. Тема сугубо производственная. Солировала, как всегда, Фонарева. Ее высокий, со стальным оттенком, голос перекрывал всех участников дискуссии октавы на две. Тоска! Я повернулась в сторону новеньких. Оба внимательно слушали Г.А. и согласно кивали, словно два китайских болванчика. Опять тоска!

Наконец, кто-то догадался включить музыку.

–Танцевать, танцевать...! Давайте танцевать,–загомонили девчонки.

–И-то, правда,–поддержала их Г.А.

Только она это произнесла, как блондин моментально протянул ей руку и галантно произнес,–Разрешите, Галина Александровна, пригласить Вас на танец?

–Ну, разумеется, Максим.

Так. Пора действовать! Я моментально оказалась рядом с шатеном.

—А, Вас, можно пригласить?—шатен улыбнулся и положил мне руку на талию,—Я слышала, тебя Сергеем зовут?—молчаливый кивок и улыбка. Тоже мне, загадка природы!—А меня Майя. Нет, я не в мае родилась, в июле. Просто матушка мечтала из меня вторую Майю Плисецкую сделать. Даже в балетное училище отдала, правда, меня оттуда через полтора года выперли, как бесперспективную. А тебя чем в детстве мучили?

—Почему мучили? Я сам. Спортом занимался.

—Долго?

—Прилично. С десяти лет. Два года назад бросил.

—Чего так?

—Надо было выбирать, либо спорт, либо профессия. Любым делом надо заниматься профессионально, а иначе ничего в жизни не добьешься.

—А каким спортом—то?

—Восточными единоборствами.

—Ух, ты! И не жалко, что бросил?

—Жалко. Но надо было принять правильное решение, и я его принял.

Он мне все больше и больше нравился. Теперь, когда мы были почти вплотную друг к другу, я смогла рассмотреть его как следует. Глаза темно—коричневого цвета, даже скорее, цвета гречишного меда. На лбу глубокие залысины, но они его абсолютно не портили, скорее наоборот, придавали лицу какую—то взрослую основательность. Широкие плечи,

длинные руки с широкими, по-настоящему, мужскими ладонями и тонкая девичья шея.

—А то, чем ты сейчас занимаешься, тебе нравится?

—Конечно, иначе бы я этим не занимался. Если я чего-то не хочу, то по любому делать не буду, и никто меня не заставит. А тебе нравится, что ты делаешь?

—Да я, вообще-то, здесь случайно.

—Серьезно? Так неправильно.

Обсуждать это мне не хотелось, и я быстренько перевела разговор на другую тему. Потом мы опять сидели за столом, только теперь уже рядом. Опять танцевали, на этот раз уже каждый с другим партнером. Я сама подвела Сергея к девочкам и намерено со всеми перезнакомила. Верный способ дать девицам понять, что мужик уже, в принципе, занят, и разевать на него рот не имеет смысла. Куролесили мы долго, на улицу выбрались только в одиннадцатом часу, и шумной толпой направились в метро. В вестибюле наша компания разделилась. Вот тут-то и выяснилось, что мне, Сергею, Максиму и Андрюхе Палею на Таганскую линию, а остальным на Замоскворецкую. Начали прощаться, это заняло еще полчаса. Словом, когда наша четверка оказалась на платформе, часы показывали уже половина двенадцатого. Мы стояли посреди пустого зала и ждали, чей поезд придет раньше. Андрюха, как всегда, хохмил и прикалывался, остальные умирали со смеху. Мне повезло первой. Ребята посадили меня в вагон и стали прощально махать руками, а состав почему-то

никак не отправлялся, и это вызвало у нас новый приступ веселья. Наконец, двери закрылись и последнее, что я тогда запомнила, был Сережкин жест рукой: «ну, типа, увидимся».

Да, я действительно оказалась в этой организации случайно.

Родители мои поженились очень рано. Матери едва исполнилось восемнадцать, а отцу девятнадцать, я появилась на свет через четыре месяца после их бракосочетания. Вместе они продержались пять лет. Это был рекорд, учитывая абсолютную противоположность натур и взглядов на жизнь. На меня их развод не оказал никакого влияния, поскольку все это время я жила, в основном, у бабушки и родителей воспринимала чисто номинально. Сразу после развода мать вышла замуж второй раз за мужчину вдвое старше.

Он был директором музыкального театра. Матушке его солидность очень нравилась, и она с энтузиазмом стала вести жизнь заботливой жены и радушной хозяйки, а я оказалась в балетном училище. В доме у нас постоянно толпилась куча народу, и велись разговоры о репетициях, концертах, гастролях. Так продолжалось три года, потом матери это надоело, и она ушла от музыканта к физику.

Мой второй отчим мне нравился. Он был добрым, веселым человеком и, если у него выдавался свободный денек, а это бывало, весьма, не часто, мы обязательно куда-нибудь шли. В цирк, в зоопарк, на аттракционы или просто бродили

по улицам. Дядю Славу я любила, а вот физико–математическую школу, в которую меня насильно засунули, терпеть не могла. Я люто ненавидела математику. Кроме того, меня зверски угнетало общество одноклассников, состоящее сплошь из занудных «ботаников». Мучения мои продолжались четыре года. На этот раз я испытала все прелести родительского развода. Многомесячные скандалы с битьем посуды, выяснение отношений с криком и истериками. Зрелище незабываемое! Когда всё, наконец, закончилось, я вздохнула с облегчением.

Рано радовалась! Не прошло и недели, как в доме появилась очередной кандидат на должность мужа, художник. Мне было позволено перейти в обычную школу, но теперь я должна была учиться рисовать. До сих пор не понимаю, как им удалось уговорить преподавателей принять меня в художественную студию. Способностей моих едва хватало, чтобы кое–как изобразить рахитичный домик, который скорее был похож на заячью нору, чем на человеческое жилище. Но посещать студию мне нравилось. Ребята там были просто супер, постоянно что–нибудь придумывали, в общем, жили весело и прикольно. И даже, когда через десять месяцев мамаша выставила художника за дверь, (она застала его в мастерской с двумя натурщицами, все трое были абсолютно пьяны и, мягко выражаясь, неодеты) я из «художки» не ушла. Тем более что, матушка через пару месяцев нашла себе новую любовь и отвалила с ним на Ближний Восток, то ли строить

чего—то, то ли продавать. А незадолго до этого, она определила меня к своей знакомой, профессиональной переводчице, учить иностранный язык, причем, сразу два немецкий и почему—то итальянский.

После отъезда матери мне пришлось переехать к отцу и его второй жене. Честно говоря, я побаивалась этого переезда. Отцовскую жену я совсем не знала и в голове все время крутились страшилки про злобную мачеху, но тетя Катя оказалась мировой теткой. Родом она была из—под Тамбова, в Москву приехала сразу после школы, а к тому моменту, как мы встретились, они прожили с отцом уже почти шесть лет.

Где они могли познакомиться? Ума не приложу. Настолько это были разные люди. Отец интеллигентный, образованный, театрал, обожающий литературу и живопись, и тетя Катя вся такая домашняя, с особым деревенским выговором и неправильной речью. Вместо «купила» она говорила «взяла», вместо «последний»—«крайний». Обожала индийские фильмы и ничего не читала, но доброты была необычайной. Она никогда не отмахивалась от меня, как от назойливой мухи, какую бы я чушь не несла, садилась и внимательно слушала, а еще она замечательно пекла. По субботам я просыпалась от запаха свежих, только что вынутых из духовки, пирожков.

У тети Кати был сын Дмитрий, старше меня всего на полгода. Родного отца он не знал, поскольку родила его тетя Катя, как она сама говорила, от собственной дурости, и, по-

этому, считал моего отца «своим». Впрочем, мой отец тоже так считал. Мы с Димкой здорово подружились, хотя и дрались постоянно. Взрослые никогда не вмешивались в наши разборки, только иногда за ужином отец пристально смотрел каждому из нас в глаза, а потом переводил взгляд на жену. Та обычно махала рукой, как бы говоря, сами, мол, разберутся. Так, в конечном счете, и было. Но дрались мы с Димкой только дома, на улице и в школе я находилась под его постоянной защитой. Это было счастливое время, целых три с половиной года. А потом тетя Катя сильно простудилась и заболела. Болезнь прогрессировала, а мачеха не обращала внимания, в результате ее увезли в больницу, когда уже начался отек легких и через неделю она умерла. Это было первое большое горе в моей жизни. Хотелось орать и биться головой о стену, а я лишней раз даже поплакать себе не могла позволить, рядом были отец и Димка. Такие несчастные и раздавленные, что, глядя на них, у меня сердце останавливалась. Если бы не бабуля, кстати, бывшая папина теща, я даже не знаю, что было бы. В день похорон неожиданно явилась матушка и заявила, что забирает меня к себе. Я пыталась возражать, говорила, что отцу сейчас трудно, что ему нужна поддержка, но она настаивала, и мне пришлось подчиниться. Я вернулась на старое место жительства, а бабуля переехала на мое место к отцу.

То, что у матери был новый муж, меня ни сколько не удивило. Дядька оказался довольно странный. По паспорту он

значился Евгением, но именовал себя исключительно Евпатием. Имел длинные до плеч волосы и бороду. Носил широкие брюки странного покроя, рубаху навыпуск, а поверх нее надевал плюшевый жилет неопределенного цвета. И все время говорил о поправленной русской идее, об утрате народом своих корней, о православии, о том, что всем нам следует покаяться и очистить душу. Окна в квартире теперь были всегда зашторены, в комнатах стоял сумрак. Пищу Евпатий с матушкой потребляли исключительно растительную, истово соблюдали все посты и благоговейно отмечали церковные праздники. Первый раз в жизни я по-настоящему струхнула. Памятуя прошлые матушкины любви и, следовавшие за этим, причудливые зигзаги моей биографии, я понимала, что при таком раскладе, меня запросто могут упечь в монастырь. Но все обошлось. Евгения, то бишь, Евпатия, кроме собственной персоны ничего не интересовало и мамулю, кстати, тоже. Короче, меня, наконец, оставили в покое.

В то время я уже заканчивала девятый класс и вовсю крутила «любовь» с противоположным полом. Свидания, дискотеки, вечеринки—это основное, чем я занималась два последних школьных года. Незаметно подошло время выпускных экзаменов. Все кругом только и говорили об аттестатах, репетиторах, куда будут поступать, где какой конкурс, какой проходной балл... Димка, мой сводный братец, почему-то решил стать адвокатом, а соседка по парте видела себя исключительно дизайнером. Мне же было абсолютно всё по ба-

рабану. Я, наверное, так никуда бы и не собралась, если бы не дядя Володя. Разница у них с матушкой была почти астрономическая, пятнадцать лет. Сестру он любил, правда, считал абсолютной дурой, но в её жизнь предпочитал не вмешиваться.

Другое дело я. Он почему-то решил, что несет за меня ответственность, и велел поступать в Текстильную академию, в которой сам занимал должность проректора. Я послушно собрала документы и отнесла их в приемную комиссию, факультет выбрала первый, из стоящих в списке. Экзамены сдала легко, видимо сказалось разнообразие учебных заведений, в которых я периодически обучалась. По сумме четырех экзаменов набрала девятнадцать баллов, на два балла больше проходного, да и в аттестате у меня было больше пяттерок, чем четверок. Так я стала студенткой первого курса факультета стандартизации и сертификации. А через месяц мне исполнилось восемнадцать лет.

Достигнув заветного совершеннолетия, я решила, что пора сматываться из дома, к тому же, он все больше и больше напоминал филиал мормонской секты. Бабушка, добровольно взвалив на себя заботы о бывшем зяте, все еще жила в его квартире, а ее двухкомнатная пустовала. Понимая, что одной мне вряд ли разрешат там обосноваться, я предложила Димке переехать вместе. Вдвоем мы быстро обработали родственников и обрели свободу.

Начало самостоятельной жизни я отметила тем, что пер-

вый раз влюбилась.

Собрались мы тогда по случаю «ноябрьских», хотя повод особого значения не имел, просто решили оторваться. Компания получилась довольно—таки разношерстная. Кто его с собой привел, понятия не имею. Гуляли мы круто, три дня. Потом все расползлись, а он остался на целых полгода.

Первое время мы вообще не расставались. В институт я не ходила. Зачетную сессию кое—как сдала, а в экзаменационную из четырех экзаменов завалила два. После этого я полностью забила на учебу и занималась только личной жизнью. А страсти кипели нешуточные. Приступы запойной любви чередовались грандиозными скандалами. Потом все разом закончилось. В один прекрасный день он просто ушел и больше не вернулся. Мир рухнул. Я, с грехом пополам, сдала «хвосты» и впала в беспробудную тоску. Целыми днями лежала в постели и пялилась в потолок. Есть отказывалась, на вопросы не отвечала. Так продолжалось довольно долго, потом Димке все это надоело, и он пригрозил призвать на помощь родственников. Его угрозы возымели успех.

На календаре был конец апреля, а в институте кипела жизнь. Это подействовало на меня отрезвляюще. А из—за чего, собственно, я себя извожу? Подумаешь, проба пера! И сразу всю тоску как рукой сняло. Экзамены за второй семестр сдала так, что у преподавов от изумления глаза на лоб повылезали. Еще бы! Три из пяти досрочно и вся сессия на «пять». Потом три с половиной недели проболталась на

практике. Занималась, в основном, тем, что впаривала лохам, желающим поступить в наше заведение, какое это замечательное место, а затем укатила на юг к родственникам. В институте появилась только двадцатого сентября. Бодрая, загорелая и готовая к новым «военным» действиям.

На сей раз объектом был дядин аспирант. Талантливый, интеллигентный и глубоко женатый. Это меня не остановило, и результат не заставил себя долго ждать. Вели мы себя крайне безрассудно. Отношений своих не скрывали и при каждом удобном случае висли друг на друге. Общественность была возмущена, к тому же, супруга моего аспиранта работала на соседней кафедре. В воздухе запахло скандалом. Терпение у дядюшки лопнуло, и он устроил мне капитальную выволочку. К этому моменту я опять успела завалить сессию и, вдобавок, нажать кучу недругов. Надо было срочно принимать меры. Малость поразмыслив, решили, что я переvedусь на вечернее отделение и пойду работать. Дядя Володя позвонил своей давней знакомой и попросил взять меня, как он выразился, «под свое крыло». А сам потом долго читал наставления и рассказывал, какой Галина Александровна замечательный человек. По всему было видно, что дядька очень дорожит этим знакомством, и мне, ни в коем случае, нельзя его позорить. Так я и оказалась в нашей организации.

Первый же разговор с Г.А. поверг меня в уныние. Отдел

занимался компьютерными технологиями, а у меня отношения с компьютером были так себе. Нет, конечно, я им пользовалась, а вот в отношении «технологий», старалась держаться как можно дальше. Но все оказалось не так страшно. Наставником ко мне прикрепили Андрюху Палея, и уже через пару месяцев я бодро вколачивала информацию в различные базы данных.

Моя новая жизнь мне нравилась. Работа получалась, ребята были отличные, а с Наташкой мы вообще стали неразлейвода.

Надо сказать, что Кузина, по своей природе, была из тех девок, которым по жизни необходимо к кому-нибудь «прилипнуть». Такие обычно жить не могут без того, чтобы не загрузить других своими проблемами. Утро начиналось с того, что Наташка подробно пересказывала все, что случилось за те восемь-двенадцать часов, которые мы не виделись. В девяноста девяти случаев из ста, рассказ представлял собой мелодраматическую сагу, повествующую об отношениях Кузиной со своим парнем. По ее рассказам это был романтичный мальчик без недостатков и вредных привычек. Каково же было мое удивление, когда я с ним познакомилась. Здоровенный квадрат размером два на два, практичный, деловой, он всегда точно знал, что ему надо и сколько это будет ему стоить.

В общем, все было легко и спокойно, пока не появились эти двое....

Парни оказались грамотные, с хорошей подготовкой, быстро заняли достойное место среди наших программистов и уверенно выбивались в лидеры. Г.А. на них нарадоваться не могла. Еще бы! Любое задание выполнялось моментально, а все ее идеи встречали в лице новеньких активную поддержку и тут же воплощались в жизнь, то бишь, в программный продукт. Довольно скоро стало ясно, что они не только внешне разные, но и характеры у них прямо противоположные.

Котов был обстоятельный, методичный, предпочитал все заранее планировать, а не надеяться на случай. У него просто мания была держать все под контролем. Иногда казалось, что и жизнь свою он расписал вперед лет так на тридцать. Работоспособен Котов был до чрезвычайности и, при этом, никогда не тянул одеяло на себя, не премьерствовал, но как-то так получилось, что ребята сами безоговорочно признавали его превосходство.

Другое дело Князев. Размеренность не его стиль существования. Макс изначально был настроен на благополучие и счастье сверх всякой меры, эмоции у него били через край. Очень общительный, шумный и, если по какой-то причине человек на него не реагировал, то Макс воспринимал это, почти как оскорбление. Он терпеть не мог, когда его не замечали. Что такое порядок Князев понимал весьма смутно, стол у него был вечно завален всякой всячиной. Книжки, журналы, диски, карандаши, сломанные наушники, бумага с давно

ненужной информацией, все это было свалено в огромную кучу и постепенно перемещалось на чужие столы. Особенно страдала Любаня, ее стол стоял ближе всех. Бедная девка каждый день, прежде чем включить компьютер, была вынуждена перекидывать весь скопившийся хлам обратно. Еще у Макса была удивительная способность попадать в нелепые ситуации. Если он садился за чужую тачку, то хозяин ее потом не узнавал. Настройки изменены, на рабочем столе черте что накидано, половина программ не грузятся. Ясное дело, что радости от этого никто не испытывал. Кроме того, у Князева постоянно все ломалось, особенно быстро выходили из строя «мыши». Он их «душил» с такой скоростью, словно работал на тайную организацию «компьютерной гигиены». Когда у Макса по непонятным причинам за неделю сохли три штуки, «железячники» невзлюбили его навечно, даже прозвище дали «Князь Мышкин».

После юбилея шефа у нас косяком пошли праздники.

Сначала был день рождения у Андрюхи Палея. Отмечали мы его за городом. Приехали на какую-то турбазу. Дощатые сараюшки, умывальник общий, удобства во дворе. Народа там практически не было. Дали три сотни сторожу и получили ключи от четырех сараев и столовой. Шашлыки жарили, костер жгли, Юрка на гитаре играл. Поет он классно!

Я старалась держаться поближе к Котову, но все время что-то мешало. То он за дровами ушел, то я с шашлыками

увязла, в общем, фигня всякая. Так вечер и прошел. А ночью, когда у костра сидели, заметила, что он на меня смотрит. Но как только Котов это понял, сразу же отвернулся. Мне неловко стало, неудобно. Чтобы дурой не выглядеть, поднялась и отошла в сторону.

–Эй, ты куда?–Макс взял меня за локоть.

–За курткой. Холод собачий.

–Пошли вместе, я тоже замерз.

В темноте мы кое–как добрались до домика и на ощупь начали искать свои вещи.

–Ты, что–нибудь видишь,–голос Макса доносился, как из колодца.

–Не–а

–И я тоже. А–а–а –а!!!!!! Черт!

Бац!! Что–то упало.

–Ты живой?

–Ага. Это твой рюкзак с пауком на кармане?

–Мой.

–Прикольный. Сейчас принесу.

–Не надо. Ты из него куртку достань. Я ее сверху пихала.

Не промахнешься.

–Ок!

Минуты три была тишина, потом послышалось сосредоточенное сопение.

–Нашел?!

Молчание.

–Але?! Ты где?!!!

–Порядок.

–А чего молчишь?

–С молнией борюсь. Не закрывается, зараза. Вот все.

Ай!!!!!!

Я сорвалась с места и, натыкаясь в темноте на какие–то предметы, энергично двинулась на голос.

Макс у окна разглядывал свою руку.

–Покажи. Поранился?

–Немного.

Я достала носовой платок и кое–как замотала ему ладонь, –Больно?

–Пустяки. Пошли отсюда.

С грехом пополам мы выбрались на воздух. Платок к тому времени был уже весь мокрый. Неизвестно почему, но наше появление вызвало бурный восторг. Посыпались разнообразные шуточки. Под общее веселье я посадила Макса на бревно и стала промывать водкой пораненную руку. Запасливая Кузина принесла бинт. Закрутив вокруг руки половину, я стала искать, чем бы отрезать остальное. «Держи, –Котов протянул мне охотничий нож, –У тебя куртка в крови», –а взгляд внимательный, долгий. Я кое–как закончила перевязку, и прочь от Князева.

Следующим было новоселье у Юрки Гусева.

На этот раз я решила, что «процесс» необходимо контролировать.

Предлог был хороший, надо было купить подарок от всей компании. Обычно этим занимались мы с Наташкой, следовательно, Кузину необходимо «обезвредить». Ничего путного в голову не приходило, и я попросту тянула время. Помог случай, у ее милого намечалась командировка в Питер, и он решил прихватить Наташку с собой, так сказать «в Тулу со своим самоваром». После ее отъезда, я предложила Котову мне помочь, он согласился сразу. Новоселье было назначено на воскресенье, а в субботу утром мы встретились у метро «Рижская».

–Куда пойдём?

–Давай в «Крестовский».

Протолкавшись в универмаге полчаса, мы так и не нашли ничего подходящего.

–Может, вон те кружки купим?–Сергей показал на чайный сервиз.

–Не, по–моему, это не вариант. От них после первой же гулянки одни черепки останутся. Пошли отсюда.

Мотались мы по городу долго, подходящую вещь нашли только часа через три.

–Ох, сил больше нет,–простонала я,– Пристрели меня, чтобы не мучилась.

–Есть предложение получше,–улыбнулся Котов,–Вон, видишь, кафешка на той стороне? Зайдем?

Посетителей было довольно много, но свободный столик мы все–таки нашли. Котов заказал чай, пирожные, сок и еще

чего—то. Помню, когда официантка принесла заказ, он еле на столе уместился.

—С ума сошел? Куда столько?

—Я есть хочу. А ты разве не хочешь?—я утвердительно кивнула,—Ну, так ешь.

Просидели мы долго. Сначала болтали, как водится, ни о чем. Кому какая музыка нравится, кто что любит и чего не любит, о фильмах говорили, о книгах, потом стали рассказывать о себе. Правда, в основном я, Сережка больше молчал и слушал. Но, как! Никто в жизни не относился к моим словам с таким вниманием, даже покойная тетя Катя. Он пристально смотрел своими темно—коричневыми глазами, а я говорила, говорила, говорила....

В метро от тепла и усталости я не заметила, как уснула, а когда проснулась, поняла, что голова моя лежит на плече у Котова.

Проводил он меня до самой квартиры, а потом мы еще минут сорок стояли под дверью. Как мне хотелось его пригласить! Но чувствовала, что нельзя. Всё только испорчу.

Договорились, что к Юрке поедим вместе.

Все утро я, как приведение, слонялась по квартире и гипнотизировала телефон, а когда он, наконец, зазвонил, чуть не скинула аппарат со столика.

Димка только вздохнул: «О, господи! Опять....».

Напрочь проигнорировав родственника, я заметалась, как очумелая. Времени было в обрез, Котов должен был по-

явиться через полчаса.

Он появился, минута в минуту, как договаривались. В одной руке у него была коробка с подарком, а в другой роза. Бархатная, ярко бордовая, на длинном стебле.

—Это тебе,—роза перекочевала в мои ладони.

Вот уж этого, я никак не ожидала!

—Спасибо. Красавица какая!—кручу бедный цветок в руках, а что делать дальше понятия не имею.

—Дай—ка сюда, растение, я его в воду поставлю,—брат, как в детстве, пришел мне на помощь,—Дмитрий,—и руку Котову протягивает,— Можно Дима, можно Димон. Это кому как нравится. Старший брат. Сводный, правда, но мы на этом не заморачиваемся.

Ребята обменялись рукопожатием.

—Все, все. Пошли, мы опаздываем. Потом поговорите,—я схватила Котова за локоть и не отпускала до тех пор, пока мы не оказались в Юркиной квартире.

С этого дня мы были, вроде как, вместе. Но это только на первый взгляд. Отдельно от других мы не встречались, но в компании всегда оказывались рядом, и когда по улицам гуляли, и когда в кино сидели. Постепенно все начали воспринимать нас как пару. Общественное мнение я не опровергала, но и подтвердить его мне было нечем. Обычно, если девчонки делали какие—то намеки, я помалкивала, состряпав на физиономии загадочную мину, а, если Кузина, особенно доставала расспросами, неопределенно махала рукой,

мол, сложно все.

Новый две тысячи второй год встречали весело. Устроили праздничное лото с подарками. Как только назывался номер, и владелец поднимал руку, ему тут же вручали подарок, а шеф начинал говорить всякие приятные слова и предлагал выпить за здоровье награждаемого. Он хотя и бывал временами редкостным занудой, но с юмором у нашего начальника было все в порядке, так что хохот за столом стоял оглушительный. Юрка Гусев, как всегда был с гитарой, играл и пел почти без перерыва. Он сам про себя говорил, что если его поить, то «завода» хватит часов на шесть, а, если еще и кормить, то на все двенадцать. Потом устроили танцы при свечах, плясали все, даже старшие зажигали по полной. Марь Васильевна такой шикарный рок–н–ролл оторвала, по всем правилам, никто от старушки такой прыти и не ожидал.

А мне хотелось только одного, двигаться под музыку, обняв Сережку за шею, и чувствовать его руки на своей талии, и чтобы это продолжалось вечно....

Но вечер закончился.

Котов проводил меня до дома, пожелал веселых праздников. И все. Стало грустно.

В ту сессию у меня был всего один экзамен. Пятого января я уже вышла на работу.

Из ребят был только Макс.

–Привет! Сдала?

–Ага.

–Чего делать собираешься?

–Пока не знаю.

–В «Пушкинском» фильм новый идет, говорят неплохой. Давай сходим? У меня как раз два билета, от сестры перепали.

Не то чтобы мне не хотелось идти в кино, скорее, не хотелось идти именно с Максом. Останавливало что–то. Но, с другой стороны, обязательств ни перед кем у меня не было, и я согласилась.

В целом, время провели весело, хотя фильм оказался так себе. После сеанса решили пройтись, но на улице было минус двадцать и надолго нас не хватило, пришлось идти в Макдоналдс греться. Макс говорил без остановки, об институте, о своих однокурсниках, о том, что первый раз за компьютер сел в пять лет и потому совершенно не представляет, как это люди могут без него обходиться. Рассказывал забавные случаи, потом достал какой–то иностранный журнал и предложил пройти тест «на восприятие действительности». Поохотав вволю над вопросами, мы с энтузиазмом начали подсчитывать очки. Получилась, что Макс «романтичный прагматик», а я «инфантильная натура с холерическим типом характера». Байда полная!

Почти неделю мы просидели вдвоем в огромной пятидесятиметровой комнате, которую из–за полукруглой конфигурации и пяти здоровенных окон народ прозвал «шайбой».

За это время мы как-то незаметно сблизились, у нас даже шуточки появились, мало кому, кроме нас, понятные. Макс подарил мне забавного песика на резиновой присоске. Это плюшевое чудо было сработано вопреки всем законам антропологии. Голова у песика по величине была такая же, как туловище, лапы и хвост вместе взятые.

Не знаю, как он понял про нас с Максом. Даже Кузина ничего не обнаружила, и это с ее-то интересом к чужой жизни.... А он заметил. И изменился. Внешне все было по-прежнему, но я словно на стену натыкалась. Односложные ответы типа «да», «нет», колючий взгляд, странное хмыканье.

А потом я стала замечать, что ребята явно недолюбливают друг друга. Котова жутко злила манера Макса во все вмешиваться, и открыто демонстрировать свое превосходство. А Князеву действовало на нервы Сережкино умение руководить людьми и работать в команде. Поначалу их взаимная неприязнь не выходила за рамки мальчишеского соперничества. Они, как два молодых бычка, активно бодались за особое внимание со стороны Г.А., но постепенно конфликт из локального перерос в масштабный.

Случилось это в начале февраля. Мы как раз делали большой проект. Сроки ограниченные, а работы много. Г.А. все время повторяла, что мы не можем ударить лицом в грязь, что это наша визитная карточка. Весь наличный состав она поделила на группы и, поскольку наш основной web-мастер

Андрюха Палей в это время защищал диплом, вся программная часть была распределена между Юркой Гусевым, Котовым и Максом. К Юрке добавили Борьку Грищука, Татьяну и меня с Кузиной для ввода информации. К Котову прикрепили Антона, Маришку и Любаню, а вот Макс у предстояло трудиться единолично. Наша руководительница была женщина мудрая и отлично разбиралась в людях.

Все было бы замечательно, если бы не пагубная страсть Князева лезть, куда не просят. Никто так и не понял, что ему понадобилось в Любанином компьютере. Она и вышла—то всего на десять минут, а когда вернулась, то тачка уже стояла мертвая, а Макс виновато улыбался. Любка чуть в обморок не грохнулась. Еще бы! Девица она была не тупая, но соображала, ой, как медленно. Пока эта кукла во что—нибудь въедет, помрешь три раза. Она так долго возилась со своим «куском» и вот вам, пожалуйста, результат!

—Ой, мамочки, что же я теперь делать буду?!—несчастливая была на грани истерики.

—Любань, да ты не волнуйся. Я на сто процентов уверен, что с твоей программой все в порядке.

—Он, видите ли, уверен!!! Блин! Кто тебя просил садиться за чужой компьютер?—Котов был просто в ярости,—Что ты лезешь везде? По—твоему ты один крутой программист, а остальные так мимо проходили?!!

—Ну, случайно получилось. Что ты наезжаешь—то?

—Случайно ничего не бывает. Это тебе не детский сад, а

работа, за которую я, между прочим, отвечаю.

Макса словно током ударило.

—Ты, что один, что ли, за нее отвечаешь? Тут кроме тебя еще люди найдутся. И чего ты на меня разорался?—от гнева глаза у Князева сузились и побелели,—Я не твой холоп! Тоже мне, барин! Граф, блин!

—Кошкин,—донеслось из другого угла комнаты.

Последнее слово произнес Севка, наш web-дизайнер. Он вообще редко принимал участие в разговорах. Обычно сидел за компом в огромных студийных наушниках, и абсолютно не интересовался, что вокруг происходит. Даже расположение рабочего места у него было весьма специфическое. Сзади и с правого бока стена, с левой стороны шкаф и небольшой промежуток для прохода, а спереди, прямо перед монитором, здоровый горшок с китайской розой. Севка вообще был сам по себе, а тут вдруг такое.

—Что ты сказал?—запал у Макса, судя по всему, закончился.

—Это не я сказал, а ты,—невозмутимо произнес Севка, потом вылез из своей норы и встал между ребятами,—Вот что, мужики, давайте без фейс контроля. Ты князь Мышкин, он граф Кошкин. И, все! Квиты! Сейчас Галина Санна придет, кому надо вставит.

Г.А. молча выслушала участников конфликта, потом пошла к шефу на доклад и забрала с собой Макса. Не знаю, о чем там говорили, только вернулся он красный, как рак, и

весь остаток дня молчал.

В общем, все обошлось. Любанина программа работала, только зависала время от времени, но Андрюха Палей, видимо, чувствуя за собой вину, что ему из-за диплома пришлось нас «бросить», просидел над ней трое суток, но причину нашел. Проект сдали успешно. Заказчик остался доволен и предложил нам сделать еще одну работу.

Этот инцидент ушел в прошлое почти без последствий. Разве что, в ходу у нас теперь были выражения типа «проведем фейс контроль» (в смысле, выясним причину) и «давай без фейс контроля» (мол, не будем напрягаться). И, еще. После этого случая, мы частенько именовали ребят не иначе, как «князь Мышкин» и «граф Кошкин», правда, только за глаза.

Вроде, все было как всегда, но это только казалось. Ну, во-первых, Котов и Князев по работе больше никогда не пересекались. Г.А. сознательно развела их в разные стороны и строго за этим следила. Во-вторых, поведение Макса стало другим. Не то чтобы он изменился, скорее притих. Работать Макс теперь предпочитал либо вечером, либо дома. Днем в отделе появлялся редко, только когда сделанное нужно было показать начальству или, если по какой-то причине требовалось его личное присутствие. В этих случаях чувствовал Макс себя неуютно. Сначала сидел тихо, потом характер брал свое и он начинал давать советы, предлагать идеи, даже пытался помогать, но потом спохватывался и замолкал.

Как-то я рылась в столе и обнаружила подаренный Максимом сувенир. У игрушки был жалкий вид. Придавленная книгами, вся в пыли она напоминала скомканную тряпку. Я кое-как привела ее в порядок и поставила на стол.

—Что это у тебя?—Сергея двумя пальцами поднял пса за хвост.

—Талисман.

—Урод какой-то. Типичный гидроцефал.

Не знаю почему, но его высказывание меня возмутило,—Чего?! Ты на себя-то посмотри!

Сережка выпрямился во весь свой почти двухметровый рост, вернул игрушку на место и ледяным тоном произнес,—Какой есть!

Этого я никак не ожидала. Он обиделся!

Теперь Котов меня в упор не замечал.

Сначала я злилась. Подумаешь, принц! Как моего песика надругать, так, пожалуйста, а ему ничего не скажи....

Потом стало не по себе. Я не могла понять, что происходит, почему он ведет себя так, будто я его предала? Надо было срочно с кем-нибудь поговорить. Кузина отпадала, оставался Димка.

—А, чего ты хотела?—тон у Димки был такой, словно я у ребенка конфету отобрала.

—То есть как?

—Да, Фуфайка, а я-то тебя за грамотную держал. Добро

бы в первый раз.

–Да, иди ты! Я к нему по–человечески, а он со мной, как с жопой!

–Погоди, погоди. Ты, похоже, не догоняешь. Давай, разберемся. По–твоему, только женский пол все чувствует и все замечает, а мы, вроде как, дрова. Ты, что же думаешь, он не догадывался, что тебе нравится. Еще как догадывался! И ему на тебя не наплевать. Это я сразу понял. А чего тут непонятного? Я, например, когда девчонку вижу, неважно с парнем она или без, то сразу определяю, может у нас с ней, в принципе, что–нибудь получиться или нет. По глазам. Если смотрит, как на пустое место, тогда без мазы, если задержала взгляд, шанс есть, а, если посмотрела с интересом, я счастье по любому попытаю.

–И часто обламывается?

–Не твое дело,–отрезал Димка,–Идем дальше. Кто к кому первый подошел? Кто за подарком потащил? Ну, а про Новый год я вообще мочу.

–Выходит, я навязалась?!?!

–Дура! Не навязывалась, а надежду дала. Без этого ни один мужик париться не будет, кому охота на грабли наступать. Ну, если он не маньяк, конечно.

–А, чего же тогда? Я–то к нему отношение не изменила.

–Потому что, никто не любит делиться. Он тебя уже своей девушкой считал, а ты на сторону поворотила.

–Да мы просто разговаривали.

—А в кино, зачем потащишься?

—Фильм посмотреть.

—Запомни, если ты пытаешься построить с кем-нибудь отношения, это не значит, что ты не можешь общаться с другими ребятами, но только меру надо знать.

—Это как?

—Поменьше откровенничать, к себе в душу не пускать и к ним в душу не лезть. Треп—это для всех, а душа только для одного. А теперь давай, думай, что делать. Советую тебе с Серегой поговорить.

Я прикинула и так, и эдак. Похоже, выбора у меня не было.

Помог случай. Андрюха Палей предложил отметить его защиту и пригласил нас к себе. Поехали почти все, даже Севка, а вот Макс отказался. Сослался на какие-то неотложные дела. Палей жил с матерью и младшим братом, квартирка была небольшая, наша орава в Андрюхиной комнате еле-еле разместилась. Матушка его постаралась, стол накрыла—супер. Гуляли, как всегда, весело. Когда вечеринка перевалила за середину, я подошла к Котову.

—Сережа, почему ты меня избегаешь? Я же тогда просто пошутила, не думала, что ты обидишься.

—Да я не обиделся. Так. Уж больно пес нелепый, зачем ты купила это страшилище?

—Я не покупала. Мне его подарили на Новый год, а отказаться было неудобно.

—Согласись, что все—таки он урод.

–Кто?

–Пес.

Я рассмеялась,–Согласна. Урод и страшилище, и еще этот гидроцефт.

–Гидроцефал,–улыбнулся Котов.

А через неделю я сломала ногу. Вешала занавески и грохнулась со стремянки. Лодыжка моментально посинела и опухла, Димка страшно перепугался и потащил меня в травмпункт. Там мне наложили гипс и велели месяц из дома не выходить.

Вечером того же дня, я сидела у себя в комнате с пакетом чипсов и пялилась в телевизор. Показывали какой–то сериал про русско–американскую мафию. Отстой редкостный! Неповоротливые пузатые дядьки мочили друг друга почему зря. По другим каналам было не лучше. Промаявшись с полчаса, я вырубил проклятый ящик, и даже пульт под подушку спрятала.

–А! Привет! Заходи, заходи!

–Здравствуй. А Мая дома?

Я наострила уши.

–А, где же ей еще быть?–братец явно улыбался,–У нее теперь одно дело–лежать и седалище отращивать.

В дверь просунулась бритая голова моего «сводного»,–Эй, Фуф, спишь? К тебе пришли,–он хитро подмигнул и пропустил гостя вперед.

На пороге стоял Котов.

Не знаю, что Димка прочитал на моей физиономии, но удовольствие это ему доставило колоссальное,—Ну, ладно. Вы тут разбирайтесь, а у меня реферат непаханный.

Дверь закрылась, и мы остались одни.

—Привет. Как ты?—Сергей нерешительно присел на край кровати.

—Ничего.

—Нога болит?

—Немного. Паршиво, что заняться особо нечем. Магнитола сдохла, а по телеку такую пургу гонят, что сил никаких нет.

—Я тебе завтра плеер принесу. Что послушать хочешь?

—А мне сейчас все пойдет, лишь бы от скуки не помереть.

Мы помолчали. Он осторожно дотронулся до моей загипсованной конечности,—Долго тебе эти кандалы носить.

—Месяц точно, может и дольше. Сместилось там чего—то. Ладно, пройдет. Давай чаю попьем, только помоги мне до кухни добраться.

Я ухватилась за спинку кровати и встала на одну ногу, вторая повисла в воздухе.

—Э, нет! Так не пойдет,—я даже сообразить ничего не успела, как оказалась у Сережки на руках. На кухне он деловито усадил меня на стул, а сам занялся хозяйством. Получалось это у него неплохо, мне оставалось только объяснить, где что лежит, и еще мне было доверено порезать хлеб. Через полчаса ужин был готов.

—Вот это «стервис»,—Димка с аппетитом уплетал приготовленную Котовым яичницу,—Слышь, братан, заходи почаще. А—то мне запахло у плиты стоять, а от моей сожительницы фиг дождешься.

—Ничего себе! И это словарный запас будущего юриста!

—Запомни, Пуфик, чтобы стать классным специалистом, надо в совершенстве знать предмет своего исследования. Я прав или нет, а, братан?

—Прав, братан, прав,—в тон ему ответил Котов.

В общем, просидели мы так до полуночи. Прощаясь, Сережка сочувственно погладил мою больную ногу,—До завтра. Я позвоню.

Он позвонил. Сначала утром перед работой, потом днем. В семь вечера он был уже у меня и опять почти до двенадцати, а потом был еще один звонок, из дома, приблизительно часа на полтора. На следующий день все повторилось.....

Теперь я жила в обнимку с телефоном. Наши разговоры продолжались бесконечно, особенно длинными они были, если Котов, по какой—то причине, не мог ко мне приехать. Мы говорили, говорили и говорили. Я даже не могу вспомнить о чем. Единственное, что осталось в памяти—постоянное ощущение счастья.

Помню, как мы в первый раз поцеловались.

Это было в субботу. Я сидела на подоконнике и смотрела на улицу. Тягучие мартовские сумерки плотно обволаки-

вали редких прохожих. После Сережкиного звонка прошло полчаса. Я ждала.

Вот сейчас он выходит из метро и направляется к остановке. Автобуса нет, значит, надо идти пешком. Напрямик через парк. Это еще минут пятнадцать. Стрелка на часах медленно переползает с цифры на цифру. Вот сейчас он должен появиться на дорожке. Так и есть. Я упираюсь лбом в холодное стекло и закрываю глаза. Раз, два, три... Лифт не работает, значит, поднимается по лестнице. Четыре, пять, шесть, семь....Все.

Звонок. Внутри у меня все дрожит. Господи, почему стекло такое горячее?!

—Привет. Что случилось? Тебе плохо?

—Забавно. Улица, как большой аквариум. Деревья голые, сучья торчат, прямо рифы подводные, мрак вперемешку с электричеством, а над сугробами дымка. Знаешь, я чувствую себя дохлой треской.

—Ты, скорее рак—отшельник. Посмотри на меня.

Я поворачиваю голову и тону. На меня смотрят два огромных омута цвета гречишного меда.

—Тебя долго не было. Целых сорок восемь минут,—как приятно уткнуться в пушистый Сережкин свитер.

—Прости. Я очень торопился.

—Я знаю,—подбородок все выше и выше. Стоп. В чем дело? Почему стены качаются? Ой! Какие офигительные у него губы.....

Так продолжалось больше месяца. Это был самое счастливое время в моей жизни, и я была согласна сломать себе еще и шею, только бы его продлить.

На работе меня встретили радостными криками, только Кузина была какая-то странная. Молчаливая. Я поначалу и внимания-то не обратила. Человек жутко эгоистичен, когда счастлив. А счастливая я была до неприличия. Еще бы! Здоровая, благополучная и Сережка рядом. Приблизительно через неделю до меня, наконец, дошло, что с Наташкой творится что-то неладное. Наши с Котовым отношения ни для кого уже секретом не были, и в другое время Кузина давно бы устроила мне допрос с пристрастием, а тут ни словечка.

Наташку я поймала в женском туалете.

—Так, подруга, в чем дело? Давай, рассказывай.

—Ты, о чем?—Кузина захлопала глазами и воровато посмотрела на дверь.

Чтобы пресечь возможный побег, я энергично затолкала ее в кабинку,—Не морочь мне голову. Говори.

После этих слов Наташка как-то обмякла и зашмыгала носом,—Ой, Маечкин, я и сама ничего не понимаю. Чувствую, что у Пашика кто-то есть.

—Это откуда такие сведения? Ты, что их видела?

—Нет. Не видела и не слышала, а вот чувствую и все. Мы уже почти не встречаемся. У него все время какие-то отговорки. То работы полно, то родственники напрягают. Тут вообще заявил, что заболел, а когда я позвонила, отец сказал,

что его дома нет,—на Наташку было больно смотреть. Губы посинели, от слез даже зрачков не видно, а руки холодные, как у покойника.

—Чего ты сразу паникуешь? Может, его на работу вызвали.

—Не—а. У его отца голос какой—то странный был. Он, похоже, даже растерялся, не знал, что говорить.

—Это все больное воображение. Фактов—то нет. Тебе по любому с Пашкой поговорить надо. Не можешь по телефону, на работу к нему съезди. Там ему деваться некуда будет.

—Неудобно как—то.

—Неудобно портки через голову надевать, плечам тесно. Ну, хочешь, я с тобой поеду?

Кузина согласно закивала головой,—Вот и договорились. Если ты его до конца недели не достанешь, прямо в понедельник махнем к нему на работу.

Но все случилось гораздо раньше. В ночь с четверга на пятницу меня разбудил телефонный звонок. Часы показывали половину третьего. Я с трудом сползла с кровати и взяла трубку.

—Он меня бросил!!!! Совсем! Навсегда!—вопил кто—то истощным голосом,—Бросил!!!! За что?! За что?!!!!

—Кузина? Кузина, что случилось? Ты где?—я ничего не понимала.

—Здравствуйте,—пробасил в трубку незнакомый мужской голос,—старший лейтенант Култыгин,—у меня от неожиданности даже дыхание перехватило,—Ваша родственница, по

невыясненным пока причинам, оказалась на проезжей части Рязанского проспекта, и это чуть было не привело к совершению серьезного ДТП. В настоящий момент она находится в ОВД «Выхино». Девушка пребывает в сильно возбужденном состоянии, отвечать отказывается и ведет себя агрессивно. Я думаю, вам следует приехать.

Только под утро нам с Димкой удалось доставить Кузину к себе домой. Бедная, она была так измучена, что уснула, едва коснувшись подушки.

Очнулась Наташка только через пятнадцать часов.

История была пакостная. Кузина все-таки набралась храбрости и поехала к Пашке на работу. Тот, видимо сообразив, что «на тормозах» спустить не удастся, откровенно заявил, что жениться. Невесту свою знает давно, просто она «была занята» и он ждал, когда место освободится. Свадьба назначена на майские, потом они едут в Египет на медовый месяц, а потом он приступит к работе на фирме у тестя, будет одним из его замов.

—Сволочь! Ну, и плюнь! Он не единственный мужик на свете. Ты молодая, красивая только свистни. Вон сколько у нас ребят «свободных». Юрка Гусев, Борька Грищук, Севка, да и в других местах они есть.

—Я беременна! Почти два месяца.

—А?! Ему сказала?

—Сказала. Говорит мои проблемы. Денег на аборт даст, но, если решу оставить ребенка, чтобы на него не рассчитывала.

Аборт ей сделали через четверо суток.

Я сама ездила к Пашке за деньгами. Полторы тонны гринов с него содрала. Он чуть не задохнулся от такой цены, но я ласково так ему объяснила, или деньги, или грандиозный скандал с участием будущих родственников. Потом договорилась в частной клинике, и свезла туда Кузину. Вышла она никакая. Угрюмая, раздражительная, глаза то и дело на мокром месте, народ на нее даже коситься стал. Надо было срочно что-то предпринимать, тем более что, приближалась дата Пашкиной свадьбы.

Малость покумекав, я пришла к выводу, что лучший вариант, если мне удастся собрать народ на майские праздники. Вопрос где? И тут, я вспомнила про дядькину дачу в Химках.

Строго говоря, это была наша общая дача. Покойный дед завещал ее сыну и дочери, я тоже там была не чужая, но матушка так активно ковала личную жизнь, что глаз туда не показывала уже лет десять, и все заботы по сохранению фамильной усадьбы легли на дядю Володю.

Моему приезду дядька был рад от души, тем более что, никаких неприятностей я ему теперь не доставляла. Зам декана во мне души не чаял: «Ах, Владимир Иванович, ваша племянница такая умница, такая разумница....» Ясное дело, почему бы перед начальством не прогнуться, если повод есть. Принимали меня родственники душевно. Тетушка со-

творила свое фирменное блюдо, фаршированную утку, а после обеда дядька угостил меня коньяком и предложил перевестись обратно на дневное отделение. Я его вежливо поблагодарила, но, сославшись на то, что работа интересная, а Г.А. замечательный руководитель, отказалась. Старик расплылся в довольной улыбке. Дальше все прошло без проблем. Мне торжественно выдали запасной комплект ключей, и позволили приезжать в Химки когда угодно и с кем угодно. Теперь оставалось самое главное, найти человека, который бы вырвал Кузину из печали.

Легко сказать. То, что я плела Наташке, про кучу свободных мужиков было, мягко выражаясь, неправдой. Все не так просто. Юра Гусев с кем-то шифруется, по всем приметам видно. Борька Грищук отпадает. У этого чела пубертатный возраст до сих пор не прошел. Ему подавай либо старуху лет под сорок, либо блядь профессиональную. Севка вообще не катит.... А, что, если Макс? Ну, с ним-то я договарюсь, а как мне это Котову объяснить?

Сережке я рассказала все как есть, правда, без подробностей.

Он поморщился,—Вряд ли что-нибудь стоящее получится.

—А никто на это и не рассчитывает. Кузину просто отвлечь надо, хотя бы на время. Макс как раз для этого очень даже подходит.

Котов на секунду задумался, потом согласно кивнул,—Ну,

попробуй.

Макса я, разумеется, уговорила.

В Химки мы с Котовым приехали накануне праздников. Малость потоптались по территории, и стали приводить в порядок дом. Перво–наперво распахнули все окна и затхлость, копившаяся всю зиму, с энтузиазмом рванула наружу, потом взялись за тряпки. Провозились долго, закончили, когда уже совсем стемнело и стало не по–весеннему холодно. Было решено затопить печь.

Пока Котов ходил за дровами, я соорудила некое подобие ужина. Устроились прямо на полу. Электричества не было, дядька боялся пожара, и когда уезжал всегда вывинчивал пробки.

Печь быстро разогрелась и даже начала издавать монотонный гул. Еще бы! В топке так яростно стреляли дрова, что через открытую дверцу искры фонтаном сыпались на железный лист, приколоченный перед печкой. Мы с Сережкой сидели в метре от того места, где приземлялись огненные иголки. В середине нашего лежбища на островке из газет стоял высокий стакан, а в нем зажженный фонарик «мордочкой» в потолок. Мы сидели лицом к огню, крепко обнявшись, в мою спину напряженно стучалось Котовское сердце, первый раз со дня знакомства слова нам были не нужны. Огонь, тишина и покой. Как же страшно нарушить эту гармонию!

Котов решил первым,—Поздно уже. Завтра ребята в десять приедут. Проспим,—я тяжело вздохнула,—А это что та-

кое?— его палец указывал на затерявшийся в газетном ковчеге бутерброд.

—Бутерброд. По—моему, с сыром.

—Это я вижу. А чей? Всего было два с сыром и четыре с колбасой. По три на каждого. Лично я свои все съел.

—Я больше не хочу.

—Что еще за разговорчики? Нечего продукт переводить.

—Раз ты такой экономный, то сам его и съешь.

—Это будет неправильно,—он взял с газеты бутерброд и протянул мне. Я отрицательно замотала головой,—Ах, так?! Ну, держись!

Через секунду я уже была обездвижена каким—то мудреным захватом, а несчастный бутерброд замаячил у меня перед глазами,—Давай, давай! Нечего отлынивать!—я обижено запыхтела и попыталась высвободиться,—Ладно, пополам,—сжалился Котов,—Ты кусаешь с одного конца, я с другого. Только одновременно. Идет? Три, четыре...

Мы вцепились в злополучный кусок и, дурачась, начали тянуть его каждый в свою сторону. В конце концов, не выдержав натиска, он раскрошился, а мы расхохотались. Сережка снова сграбастал меня в охапку и поцеловал, а потом...., потом все случилось. Легко и просто. Казалось, что мы занимаемся любовью, уже целую вечность, а ведь это был наш первый раз.....

В печке мерцают затухающие головешки, рядом человек, которого я люблю, а в окно, лопаясь от зависти, тычутся лу-

поглазые звезды. Господи, счастье—то, какое!!!....

Проснулась я от холода. Котов, голый по пояс, делал какие—то замысловатые упражнения напротив открытого окна. Двигался он медленно, от бугристых напряженных мышц поднимался молочный пар. Казалось, что отвлечь от этого занятия его не смогут ни события внешнего мира, ни суета окружающих, ни даже собственная боль.

Я наблюдала за ним, как замороженная. Поворот вправо, потом влево, еще раз и еще...., вот руки описали полный круг и замерли на груди, глубокий вдох, выдох, глаза закрыты.....

—Привет. Давно наблюдаешь?

—Ага. Здорово. Ты, что каждый день это делаешь?

—А как же! Форму по любому надо поддерживать,—он достал из сумки полотенце,—Вставай, лежебока! Проспишь все царствие небесное.

—Хо—о—о—о—лодно! Закрой окно.

—Зачем? Свежий воздух бодрит,—в ответ я глубже закопалась в одеяло,—Вылезай, сейчас ребята приедут.

Ребята приехали только в половине первого.

—Блин! Чтоб я так жил! Два часа просидеть в чистом поле, да еще в запертом наглухо вагоне. Полный отстой!—Андрюха стянул с плеч огромный рюкзак и плюхнулся на землю. Остальные последовали его примеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.